

«ЧИСЛА» – ЦЕНТР РУССКОЙ МОЛОДОЙ ЭМИГРАЦИИ

Рассматривается публицистическая деятельность первой волны эмиграции. На примере деятельности сборника «Числа» (Париж, 1930–1934 гг.) раскрываются проблемы, которыми жили представители молодого поколения эмиграции за рубежом. Судьба «Чисел», как и других периодических изданий того времени, оказалась закономерной. Они практически все прекратили свое существование к началу Второй мировой войны.

После революции 1917 г. и на протяжении 1920-х гг. Советскую Россию покинуло по разным оценкам исследователей от 1,5 до 2 млн граждан. В своем большинстве это были представители интеллигенции, люди науки и культуры. Оказавшись за пределами родины, они старались найти род занятий, свойственный их прежнему виду деятельности. Русские эмигранты группировались вокруг периодических изданий. Они искали ответы на волновавшие их вопросы, главным образом, о будущем политическом устройстве России. Одно из таких объединений образовалось вокруг сборника «Числа».

В название сборников сотрудники вкладывали такие понятия, как беспристрастность, аполитичность и точность. Сборник выходил в Париже под редакцией литературного критика Н.А. Оцуа (1894–1958 гг.) и госпожи И.В. де Манциарли. Ирма Владимировна де Манциарли, работавшая редактором, была автором ряда статей сборника. Она входила в «избранный круг» французского теософского журнала последователей взглядов Блаватской [1. С. 497]. Именно этот орган теософов первое время выделял деньги на издание сборников. Николай Авдеевич начал писать еще до отъезда за границу. Он снискал себе славу больше как талантливый организатор и предприниматель, чем писатель. Имя Н.А. Оцуа приобрело популярность с пятого номера «Чисел», когда он остался единственным редактором [7. С. 368].

Сами организаторы называли свое издание сборником. В тематическом плане содержание периодического издания было разделено на ряд разделов: стихотворения, рассказы, статьи о литературе, культуре, искусстве и рецензии.

Тираж «Чисел» был небольшой, чуть более тысячи экземпляров. Стоимость одного экземпляра составляла 20 франков [2. С. 3]. Объем издания составлял в среднем около 200–250 страниц. Издавались «Числа» на очень хорошей бумаге «Альфа», текст набирался крупным шрифтом с большими полями на страницах. В сборниках встречались и иллюстрации с цветными вкладками, что стоило дорого и являлось большой редкостью по тем временам [6].

В сборниках использовалась старая орфография. Это был своеобразный протест против декрета Советской власти 1918 г. «О введении новой орфографии». Сотрудничавшие с «Числами» авторы писали статьи только на родном русском языке. Тем самым они показывали свою приверженность русским традициям [8].

Организаторы сборников планировали выпускать четыре номера в год, но эту идею не удалось осуществить из-за финансовых трудностей. Сборник существовал на непостоянные частные пожертвования. Гонораров авторам не платили. Издатели пытались зарабатывать деньги, устраивая выставки художественных работ, на подобном рода мероприятия приносили небольшой доход.

Сотрудниками «Чисел» являлись преимущественно литераторы. В сборнике также принимали участие и представители старшего поколения эмиграции. Среди поэтов выделялись несколько групп: «парижане» (Д. Кнут, В. Мамченко, Г. Раевский, Ю. Терапиано), «берлинцы» (Р. Блох, М. Горлин), «прибалтийцы» (И. Чиннов, Ю. Иваск), «дальневосточник» (Н. Щеголев). Писатели – Г. Адамович, Г. Газданов, И. Одоевцева, С. Шаршун, К. Мочульский, Ю. Фельзен, Г. Иванов и др.

Трудно определить программу сборников. Свое появление «числовцы» объясняли так: «Надежды на рождение чего-то нового и ценного» [2. С. 6]. В то же время каждый писал о проблемах, которые волновали только его. Им не удалось выработать идею, которая бы объединила сотрудничавших со сборником авторов.

Лейтмотивом «Чисел» стала тема трагедии молодого поколения эмиграции. Тема человеческих судеб и взаимоотношений, которая затмила собой все остальные проблемы. В сборниках герои представлялись как очень сложные личности, маргиналы, психологию которых могли понять не все.

Всех сотрудничавших со сборниками тяготило общее чувство перемен. Они часто писали о кризисе их времени. Многие в среде эмигрантов говорили об усталости, утрате смысла жизни.

Представители молодого поколения пытались выработать свой стиль. На деле обозначались лишь общие темы, по которым предполагалось вести обсуждение на страницах сборника. Авторы заявляли о том, что они будут охватывать все события, происходящие в мире, не выходя за рамки литературы. «Каких бы то ни было особых задач, – поясняли редакторы, – они не собирались внушать своим читателям» [2. С. 233]. Не выделяли они и того, что же конкретно их объединяет, оговариваясь лишь тем, что они представляют собой группу людей, которая рассуждает о литературе и искусстве.

«Числовцы» заявили о своей аполитичности. Они объясняли это так: происходящее в политике, независимо от региона, не актуально по своей природе [2. С. 234]. Они считали, что политика не должна заслонять собой все другие вопросы. У большинства эмигрантов она стоит на первом месте по степени важности. По их мнению, есть более значимые проблемы, которые необходимо обсуждать в настоящее время. Таким образом, «числовцы» пытались не просто выделиться, а противопоставить себя представителям старшего поколения, которые обрушивались с критикой почти на каждый номер сборника. Главное, в чем были солидарны практически все критиковавшие, – они не понимали аполитичной настроенности статей этого периодического издания. Да и самим «числовцам», рассуждавшим о литературе, редко удавалось избежать политических аспектов.

Сотрудничавшие с «Числами» авторы активно участвовали в общественной жизни русского зарубежья. Особой популярностью пользовались такие мероприятия, как литературные вечера. Их устраивали и «Числа». На них обсуждались «вопросы литературы, филологии, искусства» [2. С. 235]. Литературные вечера – это практика, которая была характерна и для дореволюционной России. Обычно они проходили с большим количеством людей и бурными обсуждениями.

Так, первый вечер «Чисел» был посвящен памяти И. Анненского (20 лет со дня смерти). Состоялся он 16 декабря 1929 г. В конце января того же года был проведен вечер, посвященный В.В. Розанову. В одном из номеров сборника подчеркивалось, что «доклад и прения велись на французском языке» [2. С. 253].

Еще одной формой практической деятельности «Чисел» стали заседания литературного общества «Круг» [10. С. 119], который был организован по инициативе журнала «Новый град» (1931–1939 гг.). Он издавался в Париже под редакцией Г.П. Федотова, Ф.А. Степуна и И.И. Фондаминского. На квартире последнего проводились заседания этого общества. В собраниях «Круга» принимали участие и сотрудники «Чисел» – К. Мочульский, Г. Иванов, Г. Адамович, Ю. Фельзен. «Там царила, – по свидетельству одного современника, – полная свобода и равноправие мнений, шло совместное «думание» над предлагавшимися основами «нового града» [3. С. 310]. Своеобразным продолжением «Чисел» стали три выпуска «Круга», где были опубликованы статьи сотрудников уже прекративших выходить к этому времени сборников.

Периодически редакторы сборника проводили опросы. Тематика вопросов, как и принимавших в них участие, была очень разнообразной. Это, например, место Пруста в новейшей литературе, упадок современных художественных исканий, место В.И. Ленина в истории, отношение к современной живописи и т.д. Область затронутых проблем в опросниках была связана с Россией, с современной им ситуацией в различных областях жизни.

«Числовцы» своим появлением пытались придумать новую задачу, которую они могли бы решить на благо русского зарубежья, но это было лишь повторение уже сказанного в 1920-е гг. другими периодическими изданиями.

Многие были уверены, что смогут вернуться обратно в Россию. Но пока действительность заставляла молодых жить одним днем. Так, например, Г. Газданов переписывался с М. Горьким о публикации своего романа на родине и о том, что хотел бы вернуться. Но эти планы не осуществились. В истории эмиграции было немало случаев возвращения в Советскую Россию, но о дальнейших судьбах возвратившихся можно было только догадываться.

За границей русским эмигрантам приходилось тяжело, они вынуждены были подрабатывать изнурительным физическим трудом, чаще всего рабочими на заводах, в шахтах, ночными таксистами и т.д. Они стали объектом эксплуатации со стороны зарубежных работодателей. На литературные заработки могли рассчитывать представители старшего поколения. Читающей публикой для пишущих дарований были прежде всего

сами эмигранты. Им негде было печататься, их произведения не переводили. И это при полной свободе, без идеологической цензуры. Да и не было времени для серьезной работы, они вынуждены были писать урывками и по ночам [12. С. 238]. Лишь музыкантам и художникам оказалось легче остальных. Они смогли без особого труда найти себе почитателей в среде иностранной публики.

Местом сосредоточения представителей молодого поколения эмиграции в Париже стал Монпарнас. Это улица с многочисленными кафе и ресторанами. Для отражения ситуации, царившей тогда в этом месте, лучше всего подходят слова современника событий В. Варшавского – «отчаяние, владеющее душами Монпарнасса, в очень большой степени питается и поддерживается оскорблением и нищетой, на Монпарнассе порой сидят до утра потому, что ночевать негде» [4. С. 166–167]. Вследствие этого очень часты были случаи самоубийства среди молодежи.

«Ненужное искусство», – так обозначил их деятельность Г.П. Федотов [5. С. 143]. Позднее эта фраза закрепилась за сборниками, определив судьбу молодого поколения эмиграции на несколько десятилетий вперед. По мнению Г.П. Федотова, критика культуры в «Числах» объяснялась не только желанием построить новый мир, а лишь мыслью о том, что культура рухнула, что она умирает, что безнадежно умирает. Все неотвратимо понимали, что финал у этой драмы один – распад русской культуры. Нет ее продолжения, а главное – смены молодым поколением [1. С. 144].

В статье, опубликованной в журнале «Новый град», Ф.А. Степун призывал молодежь к решению «общего дела» эмиграции. Он считал, что «искусство ради искусства» ни к чему не приведет. Надо изживать такой подход к своим задачам и воспитывать в других отрицательное отношение к большевизму. По мнению Ф.А. Степуна, молодежь погрузилась в воспоминания, ушла в себя. А эти свойства молодости не свойственны. Он предупреждал авторов «Чисел» о полном отрыве от России в будущем, т.к. они не строили будущего своей страны, а лишь вспоминали прошлое [11].

Пугало Ф.А. Степуна и отношение «числовцев» к религии, они не верили в спасительную силу православия как нравственного учения, на котором можно было бы воспитывать новых по духу людей. А выходом является вера эмигрантов в восстановление традиций русской культуры, которые были прерваны революцией. Ф.А. Степун пытался, таким образом, придать жизни молодых смысла, без которого любое существование ведет к творческой деградации личности.

При всей критике Ф.А. Степун давал довольно высокую оценку «Числам», называя сборник «литературным органом» [5. С. 509]. Не протестовал он, в отличие от других представителей старшего поколения, против аполитичности сборников. Отдел рецензий вызывал у Ф.А. Степуна чувство досады, т.к. там не доставало критичности споров, а в большинстве случаев только хвалебные оценки в честь выпущенных книг.

С других позиций рассуждал о «Числах» Г. Адамович – редактор одной из авторитетнейших газет Русского Зарубежья – «Последние новости» (Париж, 1920–1940 гг.). Ему «казалось, что литературу убивает снис-

хождение к центру жизни, в котором начинается ощущение ее никчемности» [5. С. 147]. Он поддерживал бессмысленность рассматриваемых авторами тем. Г. Адамович считал, что «числовцы» слишком много писали о кризисе и трудностях жизни, чем о литературе.

Судьба сборника, как и ее редактора, оказалась трагичной. Николай Оцуп, много сил приложивший для постоянного выпуска сборника, пожертвовавший своей литературной и политической карьерой ради организации и деятельности «Чисел», так и не написал больше ничего существенного [9. С. 233–234]. Он очень тяжело переживал закрытие издания. Финансовые трудности в

итоге уничтожили и это прибежище молодых литераторов. Он стал часто выезжать за пределы Парижа и подолгу жить в одиночестве.

«Числа» для многих молодых стали временным прибежищем. Известности большинство сотрудничавших со сборником так и не приобрели. Почти все они приняли участие в разразившейся в конце 1930-х гг. Второй мировой войне. Молодые ассимилировались в культуру европейских стран. Например, Н. Берберова, Г. Газданов все больше стали писать на иностранных языках. О России они помнили мало, храня в своей памяти лишь идеальный образ прошлой дореволюционной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918–1940 гг.* Т. 2: Периодика и литературные центры. М., 2002. 639 с.
2. *Числа.* 1930. Кн. 1. 286 с.
3. *Гачева А., Казнина А., Семенова С.* Философский контекст русской литературы 1920–1930-х гг. М., 2003. 400 с.
4. *Варшавский В.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. 388 с.
5. *Числа.* 1930–1931. Кн. 4. 286 с.
6. *Березовая Л.Г.* Культура русской эмиграции (1920–1930-е гг.). Режим доступа: http://www.nivestnik.ru/2001_3/11.shtml
7. *Вейдле В.* О тех, кого уже нет. Воспоминания. Мысли о литературе. Публикация Г. Поляка // Новый журнал. Нью-Йорк, 1993. Кн. 192–193. С. 313–425.
8. *Косорукова М.И.* Русский язык и национальная культура в системе ценностей русского зарубежья (20–30-е гг. XX в.) // Вестник МГУ. Сер. История. 2004. № 3. С. 74–87.
9. *Костиков В.* «Не будем проклинать изгнание...». Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1990. 464 с.
10. *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939 гг. М., 1994. 296 с.
11. *Степун Ф.А.* Пореволуционное сознание и задача эмигрантской литературы // Новый град. 1935. № 10. С. 12–28.
12. *Струве Г.* Русская литература в изгнании. Париж, 1984. 426 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 ноября 2007 г.